

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МОЛОДЫХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

ГАВРИЛЮК Татьяна Владимировна – кандидат социологических наук, доцент Тюменского государственного нефтегазового университета (E-mail: tv_gavrilyuk@mail.ru).

Аннотация. В статье рассматриваются основные подходы к изучению культурного потенциала молодых преподавателей вузов Уральского федерального округа, рассматриваемых в качестве одного из ведущих субъектов культурной деятельности в социальном пространстве региона. В качестве эмпирической базы выступают данные массового опроса и групповых фокусированных интервью. Выявлены высокий уровень вовлечённости молодых преподавателей в культурное пространство города, стремление активно проводить досуг. Вместе с тем отмечаются неустойчивая идентичность молодой интеллигенции, потребительское отношение к пространству культуры, пассивность и отсутствие самоорганизации. Молодые интеллектуалы города не осознают себя группой, способной осуществлять культурные преобразования.

Ключевые слова: интеллигенция • молодые преподаватели • культурный потенциал • культурный капитал • культурный уровень

Постановка исследовательской задачи. Изучение культурного потенциала социальных групп, деятельность которых связана с интеллектуальным производством, приобретает особую значимость в условиях перехода российского общества к информационной стадии развития. Молодёжь, рассматриваемая как мобильная и склонная к инновационной активности группа, играет важную роль в процессе трансляции и обновления культуры, усваивая социальные нормы, ценности, смыслы и деятельно их преобразуя. Субъектность молодых интеллектуалов в культурном пространстве российского города можно рассматривать сквозь призму накопленного социального опыта и в динамическом аспекте путём исследования её потенциала. Концептуальные схемы изучения культурного потенциала этой группы, поиск адекватных способов исследования остаются недостаточно исследованными в отечественной социологии.

Акцентирование внимания на культурной составляющей актуализируется и в связи с проблемой культурного лага большинства городов российской провинции. Несмотря на “естественность” подобной тенденции [Ogburn, 1964: 268–269], существенный разрыв между темпом развития духовной культуры регионов и прогрессом материальной сферы – серьёзная проблема, нуждающаяся в социологическом осмыслении. Обращает на себя внимание не сам факт наличия этого разрыва, а его глубина и сохраняющаяся негативная динамика. Инновационный путь развития страны, базирующийся не на эксплуатации сырьевых запасов, а на формировании и реализации её интеллектуального потенциала в провинции, требует преодоления выраженного запаздывания развития социальных институтов, связанных с наукой, искусством, досугом. Кроме того, внимания заслуживает и личностный аспект исследуемой проблемы в контексте выявления культурных потребностей социальных групп, являющихся флагманом духовного развития регионов, так как развитие культурной инфраструк-

туры не имеет смысла без наличия выраженной интенции на включение в социокультурное пространство города со стороны его жителей.

Основными задачами теоретического этапа исследования являлись уточнение основных понятий (“культурный уровень”, “культурный капитал” и “культурный потенциал”), выделение концептуальных подходов к изучению культурного потенциала личности и социальной группы. В качестве исследуемой совокупности рассматриваются молодые преподаватели вузов и ученые в возрасте до 35 лет. Выбор этой группы целесообразен ввиду особой роли в процессе социокультурного воспроизводства, как в социетальном аспекте, так и в контексте влияния на ценностные и целевые установки студентов.

Эмпирическую базу исследования¹ составили данные массового опроса и группового фокусированного интервью с молодыми преподавателями вузов Уральского федерального округа. Выборка имела целевой характер. “Интервьюер может опросить любого человека, удовлетворяющего заданному критерию” [Чуриков, 2007: 102]. Объем выборки составил 208 человек (9 вузов Тюменской и Свердловской областей). Опрос осуществлялся методом анкетирования по месту работы респондентов. Групповое фокусированное интервью проводилось в вузах Тюмени ($N = 48$, 4 группы по 12 человек, преподаватели технических и гуманитарных направлений).

Понятие “культурный уровень” имеет однозначную трактовку и используется для описания различных субъектов культуры в целях соотнесения реального состояния того или иного актора (индивида, социальной группы, института) с эталонной моделью. Такой ракурс рассмотрения, как правило, связан с оценкой эффективности функционирования институтов культуры на уровне страны в целом и в рамках территориального образования. Наибольшее развитие исследования культурного уровня социальных групп получили в рамках деятельностного подхода в советской социологии. Л.Н. Коган и уральская научная школа связывали культурный уровень человека со степенью интенсивности его деятельности по созданию и освоению культурных ценностей [Исследование..., 1979: 3–13]. А.В. Веховым была обоснована прямая зависимость между культурным уровнем субъекта и степенью реализации им своей свободы [Исследование..., 1979: 46]. Взаимосвязь культурного уровня, как совокупности социально обусловленных параметров, и степени культурной свободы человека была подчеркнута классиками марксизма, связавшими способность индивида становиться активным субъектом исторического действия с расширением пространства его свободы [Маркс, Энгельс, 1961]. Современные авторы также акцентируют внимание на возрастающем значении культурных свобод и альтернатив для повышения культурного уровня личности, для реализации человеческого потенциала в целом [Культурная свобода..., 2004].

Советскими исследователями были разработаны методики измерения культурного уровня личности по совокупности таких показателей как уровень образования, частота посещения учреждений культуры, затрачиваемые на приобщение к культуре денежные и временные ресурсы. В исследованиях этого периода пытались измерить и более сложные показатели – уровень эрудиции, творческую активность, степень сформированности художественных предпочтений, наличие эстетического вкуса, развитость способности к эстетическому восприятию, нравственную культуру и др. Схожие показатели культурного уровня используются социологами и сегодня.

При переходе общества к состоянию “позднего модерна”, постмодерна, выделить инвариантные параметры, по которым можно прийти к заключению о “высоком”, “среднем” или “низком” культурном уровне, не представляется возможным в силу распада единства иерархии культурных ценностей, размывания границ “ядра” культуры, отсутствия эталона культурного развития личности в рамках общества

¹ Исследование проводилось в рамках проекта Тюменского государственного нефтегазового университета в 2012–2013 гг. при финансовой поддержке фонда РГНФ, грант № 12-03-00191а.

в целом и в пределах социальных страт. В условиях сосуществования множества культурных миров в границах одного социума, многообразия траекторий развития и альтернатив для формирования идентичности невозможно оценивать культурный уровень различных субкультурных групп в соотношении с единым эталоном, так как содержательная сторона, форма и направление их культурной деятельности могут быть значительно дифференцированы и, соответственно, несопоставимы. В рамках каждой социальной группы, имеющей схожие культурные характеристики, возможна лишь систематизация и типологизация культурных траекторий, включённых в них индивидов и оценка их потенциального влияния на культуру общества в целом. Для решения этих задач, на наш взгляд, предпочтительнее использование понятие “культурный капитал”.

Категория культурного капитала была концептуализирована в трудах П. Бурдьё. Для наших целей важно, что культурный капитал может выступать в трех состояниях: *инкорпорированном состоянии* – “в форме длительных диспозиций ума и тела”, т.е. воплощённого в конкретных общекультурных компетенциях, ценностных установках и интересах в области культуры; *объективированном состоянии* – в форме культурных товаров (картин, книг, словарей, инструментов, машин и т.д.), т.е. в качестве экономического фактора и материального воплощения идей и смыслов культуры; *институционализированном состоянии*, когда культурный капитал личности “при определённых условиях конвертируется в экономический капитал и может быть институционализирован в форме образовательных квалификаций” [Бурдьё, 2002: 60].

Следуя логике П. Бурдьё, фундаментом культурного капитала будем считать инкорпорированный капитал. Знания, смыслы, идеи и ценности, усвоенные индивидом, определяющие как восприятие им происходящих в обществе процессов, так и исполнение социальных ролей. Исследователи подчёркивают, что культурный капитал, как и другие формы капитала (физический, экономический, социальный), продуктивен и может быть включен в различные формы экономического капитала [Беляева, 2011: 14].

Различия в содержании накопленного культурного капитала является важнейшим основанием социальной дифференциации в современном российском обществе, когда владение социально значимой информацией становится важнейшим критерием стратификации. Вхождение в культурно-символическое пространство референтной социальной группы является сегодня необходимым условием успешной профессиональной социализации. Каналами передачи культурных кодов, лежащих в основе восприятия и социального действия, являются, прежде всего, образовательные учреждения. Они имеют неравный доступ к наиболее значимым культурным кодам, воспроизводя и поддерживая культурное и социальное неравенство.

Динамический аспект рассмотренных выше понятий находит отражение в понятии “культурный потенциал”, трактуемом в зависимости от субъекта, носителя потенциала. Данное понятие используется представителями разных наук, порождая вариативность исследовательских подходов. В широком смысле “культурный потенциал” используется для обозначения способности культуры к функционированию, выживанию и развитию при существующих социально-экономических условиях той или иной страны [Хоруженко, 1997: 391]. Он применяется часто как характеристика территориального образования (города, региона, государства), когда предполагается, что совокупность накапливаемых ресурсов культуры в виде материальных артефактов или результатов духовной деятельности людей (научной, философской, художественной) составляет культурное наследие и может быть использована в целях социально-экономического и культурного развития [Луховская, 2008].

Подходы к исследованию культурного потенциала. Понятие “культурный потенциал” функционирует сегодня в контексте нескольких социологических парадигм. Исследования, направленные на его выявление, могут иметь разные подходы.

1. *Ресурсный подход* является доминирующим в силу содержательного смысла базовой категории “потенциал” как совокупности возможностей, источников, средств,

запасов и т.п., которые могут быть приведены в действие для решения определённых задач, для достижения поставленных целей. Любую социальную группу в рамках этого подхода можно рассматривать как скрытый ресурс социального развития, производительную и творческую силу общества. Культурный потенциал в таком понимании означает накопленные или вновь создаваемые личностью или группой ресурсы культуры, способные неоднократно выступать в качестве фактора культурного производства.

2. Структурно-функциональный подход. Согласно структурно-функциональной парадигме [Парсонс, 2002], культурный потенциал тех или иных социальных групп оценивается с точки зрения его значимости для сохранения существующего ценностно-нормативного комплекса, его трансляции от одного поколения к другому с целью поддержания стабильного существования общественной системы. Задача исследователя, работающего в русле этого подхода – анализ, оценка и обоснование функционального и адаптивного значения элементов культурного потенциала социальных групп в макросоциологическом контексте.

3. Деятельностный подход. Эта теоретическая модель связана с творчеством одного из крупнейших специалистов в области социологии культуры советского периода – Л.Н. Когана. Культура личности рассматривалась им не как некий статичный, накопленный “багаж”, а как реальная деятельность человека в социокультурном пространстве, его социальное поведение, в котором отражена степень реализации потенциальных, сущностных сил человека [Коган, 1984: 191]. Эта концепция предполагает анализ культурного потенциала личности или группы с позиции степени интенсивности и направленности деятельности по освоению культурных ценностей, а также способность и готовность к проявлению накопленных знаний, умений и навыков в созидательной, преобразующей деятельности в сфере культуры.

4. Теоретико-информационный подход представляет собой оригинальную концепцию В.М. Петрова [Петров, 2004: 335–385], в которой главная задача – разработка количественных критериев оценки духовного потенциала личности на основе математических моделей. По мнению автора, это позволит избежать субъективности и произвольности интерпретаций содержания и направленности культурного потенциала, а также соотнести результаты эмпирических исследований с социальной практикой. Авторская модель оперирует показателями, на основе которых выявляются стратегии реализации личностных потенциалов. Измерение показателей основывается на индексах и коэффициентах, характеризующих внешне наблюдаемые и латентные характеристики культурного развития личности.

5. Культурно-психологический подход носит междисциплинарный характер и предложен Е.Б. Старовойтенко [Старовойтенко, 2007: 209–220]. Автор предлагает “модель культурного потенциала индивидуальной личности”, подразумевающая субъекта европейской культуры. В отличие от теоретико-информационного подхода, стремящегося к объективности научного знания в значении его внутренней, системной согласованности, этот подход апеллирует к герменевтическому методу, базирующемуся на понимании и авторской интерпретации характеристик исследуемого объекта. Фундаментом концепции является психологическая реконструкция и моделирование потенциала творца, опирающиеся на изучение так называемых “рефлексивных текстов” – автобиографий, жизнеописаний, искусствоведческой литературы. Теоретико-методологической основой этого подхода являются феноменологическая философия, психология и социология, определяющие направление исследования – реальность внутреннего мира творца и её воплощение в феноменах жизни, конституирующих культуру.

6. Интегративный подход. Полипарадигмальность современной социологии, отчётливо наблюдаемая тенденция к междисциплинарности социально-гуманитарного знания дают возможность исследователям комбинировать объяснительные модели и методические инструменты различных подходов с целью более глубокого и комплексного анализа изучаемого явления. Д.М. Давлетшина предлагает определять

интегративный подход к изучению культурного потенциала посредством учета и анализа множества врождённых и приобретённых качеств личности, которые можно разделить на три группы: качества, формирующиеся посредством экзистенциальных переживаний; качества, определяющиеся характером связи личности и общества; уникальные психофизиологические особенности [Давлетшина, 2011: 10]. При этом в рамках интегративного подхода подчёркивается значимость внешних факторов для проявления внутренних характеристик личности, составляющих её культурный потенциал.

Проблематика выявления культурного потенциала личности и социальной группы активно разрабатывается российскими исследователями разных научных направлений, ведётся поиск новых методик его изучения. Вместе с тем, представляется целесообразным актуализировать подход Л.Н. Когана, исследовавшего культуру личности и группы сквозь призму их реальной *деятельности по освоению, интерпретации и созданию культурных ценностей*. Посредством реализации культурного потенциала в деятельности социальных общностей и отдельных личностей возможно изменение элементов коллективного сознания, в свою очередь меняющего способы поведения, существующие в обществе и имеющие разную степень социального одобрения. Этот подход позволяет рассматривать культурный потенциал социальных групп для оценки траекторий развития общества в целом или региональных социокультурных систем, акцентируя внимание на осмысленной активности субъекта как главном факторе социокультурных преобразований. Практическое его значение – преодоление ограничений структурно-функционального и ресурсного подходов.

Выбрав этот подход в качестве концептуальной модели исследования, отметим, что Коган оперировал понятием “культурный уровень”, не вполне адекватным современным реалиям. В этой связи исходим из необходимости некоторого расширения понятийного аппарата этого подхода без нарушения общей направленности исследовательской стратегии. Базовое понятие “культурный потенциал” будем использовать для обозначения *способности культурного капитала личности или социальной группы к воплощению в реальные результаты деятельности, связанные как с изменением сущностных качеств самого субъекта, так и с творческим преобразованием окружающего его социокультурного пространства*.

Модель изучения культурного капитала включает следующие аспекты: определение элементов группового *сознания*, влияющих на деятельность субъекта культуры (прежде всего, эстетические и нравственные ориентации личности, характер идентификации); выявление осуществляемой, планируемой и возможной форм (зеркалательная, аналитическая, творческая) *деятельности* исходя из восприятия, преобразования или создания культурных ценностей; выявление социальных *условий* формирования ценностных ориентаций личности в сфере культуры и претворения их в действия, а также прогнозирование возможных траекторий развития культурного потенциала субъекта (личности, группы, социального типа) в конкретных социально-экономических и социокультурных условиях; анализ социальных *факторов*, оказавших влияние на мотивационную структуру культурной деятельности субъекта, их учёт в практике управленческой деятельности, направленной на реализацию культурного потенциала.

Исследование культурного потенциала молодых преподавателей проводилось в два этапа: 1. Массовый опрос, данные которого использовались для определения базовых составляющих *культурного капитала* молодых преподавателей: значимость деятельности по освоению и созданию культурных ценностей в сравнении с другими формами досуга; приоритеты в выборе основных каналов получения информации в сфере культуры; предпочтения в сфере потребления культурно-информационных продуктов и восприятия искусства (виды телепередач, виды искусства, жанры литературы); регулярность и частота посещений учреждений культуры. 2. Групповые фокусированные интервью, по результатам которых выявлялись

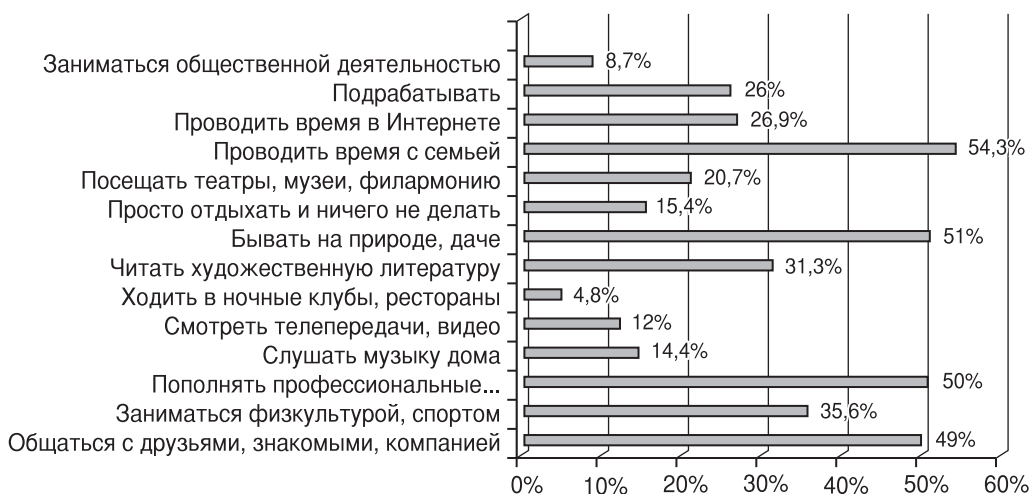

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: “Чем Вы предпочитаете заниматься в свободное время?” (в % от общего числа респондентов)

характер мотивации культурной деятельности, детерминанты культурных предпочтений, общая самооценка культурного потенциала группы молодой интеллигенции и его базовых составляющих. В ходе групповой дискуссии обсуждались вопросы организации досуга, предпочитаемых видов и направлений искусства, оценивались культурная инфраструктура города (на примере г. Тюмени) и содержание проводимых мероприятий, сопоставлялись мнения относительно необходимости сохранения и развития художественного образования в городе. Молодым преподавателям Тюменской государственной академии культуры, искусств и социальных технологий как экспертной группе были заданы дополнительные вопросы о роли г. Тюмени в культурном пространстве страны, о возможностях развития культуры города, предлагалось оценить стратегию развития художественного образования и содержание управленческой деятельности в творческом вузе, что позволило получить обобщённое представление о социокультурных условиях существования интеллигенции в провинции.

Логика анализа данных исследования была такова: общая структура досуга и место в нём “культурного досуга” → удовлетворённость состоянием социокультурной среды города (характеристики накопленного культурного капитала и условий его формирования) → содержание и направленность деятельности в сфере культуры и досуга (параметры, позволяющие оценить культурный потенциал). Акцент в анализе делался на метод группового интервью как наиболее адекватный основной исследовательской задаче – выявлению потенциала воплощения культурного капитала в реальные результаты деятельности.

Анализ культурного капитала молодых преподавателей предполагал определение структуры их досуга (рис. 1). Материальный аспект организации свободного времени – недостаточность денежных средств для посещения учреждений культуры: “Если взять среднего преподавателя, я не думаю, что он может себе позволить разнообразить свой досуг”; “Может быть их и достаточно [учреждений]. – Прим. авт.], но всё равно упирается в копейку”. Ключевой почти во всех групповых интервью стала мысль, подчёркивающая факт несущественного отличия форм досуга данной группы от большинства населения. Кроме того, говорили о необходимости контроля над собственным поведением в общественных местах ввиду “публичности” профессии и особого общественного мнения, сложившихся стереотипов о репутации и культурных пристрастиях преподавателя. При этом опрошенные молодые преподаватели не ощущают себя особым сообществом, не уверены в адекватности применения поня-

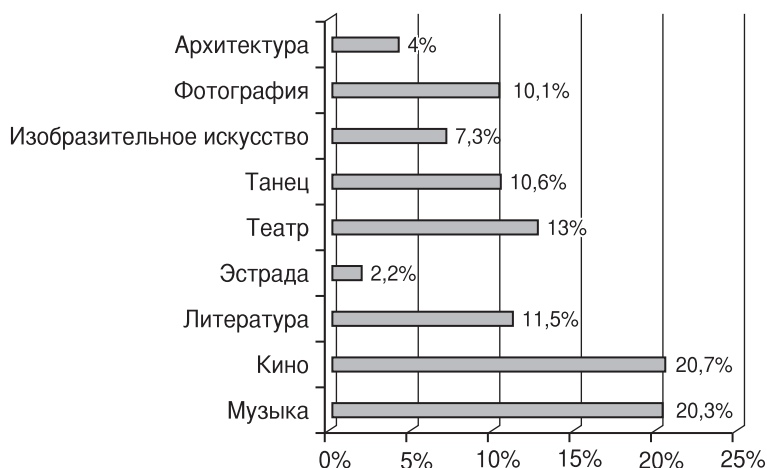

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: "Какие виды искусства Вас интересуют, привлекают более всего?" (в % от общего числа респондентов)

тия "интеллигенция" к их группе: *"Сложность в том, что всегда надо думать, в любом городе, в любой точке, что ты встретишь своих студентов и надо быть готовым, что они завтра могут тебя обсуждать"*. Лишь в единичных высказываниях респонденты акцентируют внимание на самоидентификации в качестве представителей интеллектуальной элиты.

При оценке деятельности учреждений культуры большинство преподавателей указало на достаточность их в городе: *"У нас все есть, но мы не все знаем"*; *"Любые кафе, клубы, начиная от тематической вечеринки, заканчивая закрытым показом"*; *"Инфраструктуры достаточно. Содержание, может быть, хромает"*. В то же время некоторые высказывания свидетельствуют об отсутствии заинтересованности в посещении учреждений, связанных с искусством: *"Мне кажется, если бы у нас было большее количество известных театров, музеев, это не значит, что все люди бы туда постоянно ходили"*.

Чуть меньше трети молодых преподавателей бывают в учреждениях, связанных с заботой о теле и удовлетворением материальных потребностей – спортивные учреждения и торговые центры. Все остальные учреждения культуры и досуга большинство респондентов посещает ситуативно – кинотеатры, театры, выставки и библиотеки. В то же время музеи, филармонию, выставки порядка 40% преподавателей не посещают.

Преподавателям также были заданы вопросы о предпочитаемых ими видах искусства. Некоторые высказывания демонстрируют ярко выраженную ориентацию на направления творчества, традиционно рассматривающиеся как часть элитарной культуры: *"Мне нравится живопись, я сама пробовала рисовать как-то, мало времени на это сейчас уделяю... Как-то пробовала в актерскую школу ходить"*. Часть преподавателей демонстрировала прямо противоположные вкусы, подчёркивая ориентацию на массовую культуру или сугубо профессиональные интересы, замещающие все остальные: *"Я читаю научную литературу даже дома"*; *"Человек стремится к простоте, ему так проще понимать"*.

Молодые преподаватели выбирают самые популярные виды искусства – кино и музыку (55%) (рис. 2). Менее предпочтительными оказались театр, литература, танец и художественное фото. Оказалось, что изобразительное искусство интересуются менее 20%, архитектурой – 11,7%. Литературные предпочтения в основном связаны с профессиональной деятельностью. Научную литературу по специальности читают 56,7%. Около пятой части преподавателей выбирают детективы, приключения, русскую и зарубежную классику, фантастику, историческую литературу. Тревожным сим-

птомом является признание почти десятой части в том, что они читают очень редко и мало. Для группы, фундаментом профессиональной деятельности которой является чтение, это показатель оценки общекультурного потенциала.

Участникам групповой дискуссии из Тюменской академии культуры, искусств и социальных технологий как экспертам было предложено оценить перспективы культурного развития Тюмени в виде ответов на вопросы *“Как вы считаете, может ли Тюмень стать одним из культурных центров России? Что этому препятствует?”* и *“Что могло бы сделать государство, общественность, высшая школа для того, чтобы художественная культура и искусство в Тюмени развивались более динамично?”*.

Первоначальной реакцией преподавателей при ответе на вопрос было выражение недоумения: *«Что значит “культурный центр”?»*, *“Есть ли смысл в этом?”*, *“Зачем выдумывать колесо? Когда есть Питер, и пусть будет дальше...”*. Подобная реакция показательна: большинство молодых преподавателей не задумывалось о соответствующем направлении развития города. Наблюдающаяся в развитых странах тенденция децентрализации и глокализации не имеет реального эквивалента в контексте развития культуры нашего региона.

Были высказаны предположения относительно *“региональной ментальности”*, сковывающей сознание людей и препятствующей внедрению новшеств в культурной сфере. Подчёркивалось, что превращение Тюмени в культурный центр могло бы иметь позитивное значение ввиду того, что *“это придаст статуса нашему городу”*. Обращает на себя внимание тенденция апелляции к имиджу и сложившимся в общественном сознании стереотипам, проявляющаяся в ответах на вопросы, касающиеся художественных вкусов и предпочтений.

При беседе относительно представлений преподавателей об основных субъектах культуры, а также о степени их заинтересованности в реальных преобразованиях в сфере художественной культуры Тюмени они сразу же развернулись в сторону государственной поддержки и финансирования: *“Надо посадить именно на бюджетные ставки, коллектив на штатные ставки – вот потом мы будем работать”*, *“Настоящее искусство требует государственной поддержки”*. Очевидно, молодые преподаватели рассматривают государство в качестве основного субъекта воспроизводства культуры, причём ограниченность подобной позиции видят лишь в невозможности организовано объединиться и добиться от государства поддержки собственных проектов. Этакратическое общество по-прежнему, руководствуясь сохранившимися в сознании установками советского времени, ожидает направленной культурной политики *“сверху”*, учитывающей потребности и интересы творческих групп.

Опрос позволил выявить наличие-отсутствие заинтересованности и нацеленности на участие в формировании политики в сфере художественного образования. Поставленная проблема находится в сфере трансцендентного для молодых преподавателей, они не видят возможности влияния на управленческую сферу и, соответственно, не проявляют к ней существенного интереса, что является подтверждением слабо выраженной целевой установки на активное преобразование культурного пространства города.

Выводы. Сочетание количественной и качественной стратегий исследования культурного потенциала позволило выявить особенности, однако это не в полной мере способствовало достижению необходимых результатов. Групповые интервью не позволили выявить глубинные детерминанты действий и высказываний, истоки формирования демонстрируемых субъектами целевых и ценностных установок. Возможно, это связано с недооценкой факторов, влияющих на результативность подобного рода исследований [Татарова, Чеховский, 2011]. Наблюдается достаточно высокий уровень вовлечённости молодых преподавателей в культурное пространство города, стремление активно проводить досуг. Вместе с тем, основная их часть не считает себя особым *“культурным слоем”*, не рассматривает собственный стиль жизни как отличный от жизни большинства населения. Современный молодой преподаватель

не является агентом реального культурного влияния, ограничивая свою функцию воздействия на студентов поддержанием “имиджа преподавателя”, за которым отсутствуют реальные культурные свойства. Основной акцент делается на совершенствование профессиональных знаний и компетенций, данное направление развития считается достаточным для успешной работы в вузе. Неустойчивая идентичность молодой интеллигенции, потребительское отношение к пространству культуры, пассивность и отсутствие самоорганизации существенно снижают её креативный потенциал. Дополнительные вопросы, заданные в ходе группового интервью, свидетельствуют, что молодые интеллектуалы города не осознают себя группой, способной осуществлять культурные преобразования. Активная образовательная политика, направленная на директивное исполнение разнообразных нововведений, приводит к тому, что молодёжь видит возможности реорганизации культурного пространства только в донесении до власти собственных интересов. Иные пути улучшения культурной среды города не рассматриваются: не было даже упомянуто о роли высшей школы как агента социокультурных изменений.

При дальнейшем изучении данного вопроса представляется целесообразным обратиться к биографическому методу как комплексной исследовательской схеме, позволяющей посредством сочетания качественных методов (интервью, визуальные методы, наблюдение) исследовать культурный потенциал молодых преподавателей провинциальных вузов. Ввиду немногочисленности данной группы подобная методология, с опорой на феноменологическую парадигму, может дать оптимальный результат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беляева Л.А. Образование в России и модернизация экономики (по результатам европейского социального исследования) // Социологические исследования. 2011. № 12. С. 13–24.
- Бурдьё П. Формы капитала // Социологическое пространство Пьера Бурдьё. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (дата обращения: 30.03.2014).
- Давлетшина Д.М. Теоретико-методологические основания исследования качества жизни и культурного потенциала молодёжи // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. II. Вып. 3. С. 10.
- Исследование культурной деятельности и культурного уровня населения городов Урала. Свердловск, 1979.
- Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984.
- Культурная свобода и развитие человеческого потенциала // Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире. М.: “Весь мир”, 2004.
- Луховская О.К. Управление развитием культурного потенциала регионов России в современной экономике. М.: МГУКИ, 2008.
- Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. Т. 20. М.: Издательство политической литературы, 1961.
- Парсонс Т. О структуре социального действия. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2002.
- Петров В.М. Количественные методы в искусствознании. М.: Академический проект; Фонд “Мир”, 2004.
- Старовойтенко Е.Б. Рефлексия личности в культуре // Мир психологии. 2007. № 4. С. 209–220.
- Татарова Г.Г., Чеховский И.В. Метод фокус-групп: экспертные оценки “факторов неуспешности” // Социология: 4М. 2012. № 34. С. 5–31.
- Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Чуриков А. Случайные и неслучайные выборки в социологических исследованиях // Социальная реальность. 2007. № 4. С. 89–109.
- Ogburn W.F. On Culture and Social Change: Selected Papers. Edited by Otis Dudley Duncan. Univ. of Chicago Press, 1964.